

Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
 Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
 То не пожаръ ли Цареграда?
 Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
 Тебя, полночная лампада,
 Маякъ спасительный, отрада
 Плывающихъ по морю свѣтиль?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
 Бушуетъ вѣчная мятель,
 Потокѣмъ видѣлъ колыбель;
 Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
 Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
 Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
 И дремлетъ громъ надъ глубиною,
 И тамъ, гдѣ надъ моею чалмою
 Одна сверкала лишь звѣзда—
 То Чатырдахъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А.

[Ангѣ Григорьевнѣ Хомутовой.]

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
 Вамъ строки чудныя писалъ,
 И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
 Воспоминаньемъ оживленный,
 Онъ передъ вами изливалъ.
 Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
 Какъ отголосокъ юныхъ дней,
 При первомъ звукѣ новой встрѣчи
 Его встревожили сильнѣй.
 Тогда призвательную руку
 Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
 На встрѣчу радостному звуку
 Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
 Надеждъ и думъ его живыхъ,
 Я буду дорожить, какъ тайной,
 Печальнымъ выраженіемъ ихъ.
 Я вѣрю, годы не убили,
 Изгладить даже не могли
 Все, что вы прежде возбудили
 Въ его возвышенной груди.
 Но да сойдетъ благословеніе
 На вашу жизнь за то, что вы,
 Хотя на единое мгновеніе,
 Умѣли снять вѣнецъ мученья
 Съ его преклонной головы!

ОТЧИЗНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
 Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордаго довѣрія покой,
 Ни темной старины заветныя преданья
 Не шевелятъ во мнѣ отраднѣе мечтанья
 Но я люблю—за что, не знаю самъ—
 Ея полей холодное молчанье,

Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
 Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
 Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ те-
 И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь, [лѣтъ
 Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о почлегѣ.
 Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
 Люблю дымокъ спаленной жинвы,
 Въ степи ночующій обозъ,
 И на холмѣ, средѣ желтой нивы,
 Четѣ бѣлѣющихъ березъ.
 Съ отрадой, многимъ незнакомой,
 Я вижу полное гумно,
 Избу, покрытую соломой,
 Съ рѣзными ставнями окно;
 И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
 Смотрѣть до полночи готовъ
 На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
 Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ

*

*

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою.

Прощались позднею порою?
 Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
 И мы съ волненіемъ внимали...
 Тогда лучи ужъ догорали,
 И на морѣ туманъ густѣлъ;
 Ударъ съ усиленіемъ промчался
 И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
 Я часто о тебѣ мечтаю;
 Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
 Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
 И между тѣмъ какъ чередой
 Глушить волнами ихъ сѣдыми,
 Я плачу, я томимъ тоской,
 Я умереть желаю съ ними...

*

*

Изъ-подъ таинственной, холодной полу-
 маски

Звучалъ мнѣ голосъ твой, отраднѣе какъ
 мечта,

Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки,
 И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольнѣ
 И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну
 Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный.
 Родныхъ гудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеніи
 По легкимъ признакамъ красавицу мою,
 И съ той поры безплотное видѣнье
 Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
 Бѣ года минувшіе слышалъ когда-то я,
 И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой
 встрѣчи

Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.